

© 2018 г.

Р. Х. СИМОНЯН

РОЖДЕНИЕ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (к 100-летию ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Симонян Ренальд Хикарович — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра европейских исследований МГИМО МИД России (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640002032-3

В историческом процессе изменение границ и появление новых государств почти всегда было результатом войн. Так в XIII в. возникла Ливония — регион в Восточной Прибалтике, населенный ливами, прусами, куршами, латгалами, эстами, селами, земгалами, — в результате завоевания его немецкими крестоносцами в XIII в. После победы Петра I в Северной войне Ливония по Ништадскому договору (1721 г.) была присоединена к Российской империи в виде двух губерний — Эстляндской и Лифляндской. При этом Россия сохранила привилегии немецких (остзейских) баронов, которым принадлежали крупные имения по существу, и которые продолжали оставаться главной властью на местах. Губернатор, как представитель центральной власти, был вынужден строить свою служебную деятельность так, чтобы не нарушать привилегий остзейского дворянства. Если в их адрес звучали упреки в превышении полномочий, они сразу вспоминали о «Пунктах согласия», дарованных прибалтийским бюргерам Петром I еще в 1710 г. после фактического присоединения Риги и Лифляндии к России. По этим пунктам местное дворянство сохраняло неприкосновенность имущества, получало права вершить суд, собирать налоги, заниматься свободной торговлей. Естественно, этот документ являлся козырем в руках остзейской аристократии.

Для населения, находившегося веками под владычеством немцев, практически ничего не изменилось. Почти два столетия прибалтийские земли в Российской империи представляли собой пример «государства в государстве», в котором практически неограниченная власть принадлежала остзейской земельной аристократии, на немецком языке осуществлялось делопроизводство, школьное и университетское образование. На латышской территории распространялся целый ряд дискриминационных запретов, так как они принадлежали к низшей «касте» *Undeutsche* («ненемцев»), а это означало, что латыши не имели права участвовать в культурно-общественной жизни края, занимать важные административные должности и влиять на политическую ситуацию.

В Остзейских провинциях, к которым в 1795 г. после третьего раздела Польши была присоединена Курляндия, русский язык не только не был государственным, но даже плохо изучался в школах, что вызывало нарастающую критику российской общественности¹. Почти весь XIX в. о русификации не могли говорить даже самые жесткие критики России. Только во время царствования Александра III в 1887 г. законодательно было введено преподавание русского языка во всех школах. В этот период русский язык вводится в практику местных административных и судебных

---

¹ Исторический обзор мер правительства для усиления в Остзейском крае способов к изучению русского языка. СПб., 1866, с. 196.

учреждений, что вызывает негативную реакцию остзейского дворянства и части интеллигенции, сопровождающуюся их эмиграцией в Германию².

Но и до Александра III власть немецких баронов постепенно становилась уже не столь монолитной, как прежде, что не могло не оказывать влияния на умонастроение латышей. Практический результат этносоциальной динамики населения проявился еще в конце XVIII в. — вышло первое издание азбуки латышского языка (1797 г.). А еще через четверть века — в 1822 г. в Елгаве начинает выходить первая газета на латышском языке «Latviesu Avizes» («Латвийская газета»). До середины XIX в. городская культура Лифляндии и Курляндии была продуктом немецкоговорящей политической и общественной элиты. Латышское крестьянство по большей части ограничивалось самобытными устными преданиями на собственном языке, состоявшими в основном из народных песен и былин, как это традиционно происходило в течение нескольких веков. Но во второй половине XIX в. положение стало меняться.

В постнаполеоновской Европе национальное самосознание многих народов, находившихся в подчиненном положении — греков, сербов, болгар, чехов, венгров, ирландцев и многих других, проживающих в Османской, Австро-Венгерской, Британской империях, стало возрастать. Разобщенные итальянцы и немцы начинают бороться за объединение различных феодальных княжеств в единые национальные государства. Этот процесс захватывает и Прибалтику, где латыши, эстонцы и литовцы являются одновременно и подчиненными и разделенными народами. Во второй половине XIX в. происходит пробуждение национальной идентичности коренного населения этого региона, в том числе и рост национального самосознания латышей, стремление избавиться от немецкого господства.

В этот период начинается массовый переход латышей из лютеранства в православие в надежде на то, что «царская вера» поможет им освободиться от притеснений немецких помещиков³. И сегодня, по свидетельству митрополита Рижского Александра, латыши составляют пятую часть православной паствы в Латвии. Помимо практической выгоды принятие православия оказало влияние на самосознание латышей. Ситуация выбора расширяет кругозор и обогащает ролевую структуру личности. Психологический механизм смены вероисповедания увеличивает мировоззренческое пространство личности, освобождает её от жестко закреплённого социального статуса, что не может не отражаться в идентификации личности. Поэтому многие историки справедливо связывают социально-политическую активизацию латышского населения с переходом от лютеранства к православию.

Разумеется, это был лишь один из импульсов национального движения наряду с другими: развитие капитализма с ростом промышленности, урбанизация, повышение материального уровня населения, доступность образования, появление национальной интеллигенции, но, учитывая масштаб этого перехода, достаточно весомый импульс⁴. Со своей стороны, остзейское дворянство расценивало эти спонтанные массовые обращения как форму социального протеста. К этому добавилась возможность вмешательства Синода во внутренние дела Остзейского края, чему теперь остзейским помещикам сложнее стало противиться. К концу 1870-х годов монопольное положение дворянства в сельской местности стало заметно слабее, так как большинство реформ (земская и судебная реформы 1864 г.,

² *Henriksson A.* The Tsars Loyal Germans: the Riga German Community Social Change and Nationality Question, 1855—1905. New York, 1983, p. 218.

³ *Гаврилин А. В.* Очерки истории Рижской епархии (XIX век). Рига, 1999, с. 89—95.

⁴ *Лейсман Н.* Судьбы православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия. Рига, 1908, с. 35.

городская реформа 1870 г.), проводимых Александром II, расширяли участие крестьян в местном управлении.

С самого начала националистические стремления латышей ограничивались сферой культуры. Сложившееся веками языковое разделение культур — немецкий язык в городах, латышский — в деревне, ко второй половине XIX в. меняется. В сельской местности появляется зажиточный слой крестьян, которые могут дать хорошее образование детям. И в городах все чаще обосновываются образованные и состоятельные латыши, которым, однако, приходится испытывать постоянное давление со стороны господствующего класса — немецких чиновников, домовладельцев, торговцев. Но главный фактор роста национального самосознания — неуклонное увеличение числа образованных латышей — играет теперь уже определяющую роль. Самоидентификация латышей, начавшаяся в середине XIX в., во многом определит становление и развитие латышской нации, и все последующие события, связанные с процессами, происходящими в массовом сознании латышей. В жизни произойти может только то, что содержится в головах людей. Этот общественный закон иллюстрирует новое поколение латышей.

Латышская молодежь все больше стремится к знаниям, к получению не только гимназического, но и университетского образования. В то время большая часть латышских студентов обучалась в Дерптском (Тартуском) университете, находившемся на территории Лифляндской губернии. Важным эпизодом в становлении национальной латышской интеллигенции стал в 1854 г. поступок студента Дерптского университета Кришьяна Валдемарса, осмелившегося прибить на двери своей квартиры табличку: «Здесь живёт студент Кр. Валдемарс. Латыш». Этот поступок сделал Валдемарса общественно значимой фигурой. По его инициативе в Дерпте студенты стали организовывать своеобразные дискуссионные кружки — «латышские вечера» («Latīņu vakaros»), на которых собравшиеся обсуждали положение своего народа, изыскивали пути, при помощи которых можно было бы повышать культурный уровень латышей. В ходе этих вечеров сформировались и будущие идейные вожди национального движения, такие как Кришьян Валдемарс, Агис Кронвалдс, Юрис Алунанс, Каспарс Биезбардис, Юрис Цаунитис, Кришьян Баронс, Фрицис Бривземниекс, которые получили название «младолатыши» (jaunlatvieši). Первоначально этот термин использовался в уничижительном значении остзейскими немцами, отзываясь на их негативное отношение к антифеодальному политически-литературному движению «Молодая Германия».

Младолатыши, считавшие, что «дружественные отношения с российским правительством и жесткое неприятие немецкой гегемонии помогут становлению национального самосознания»⁵, начинают активную борьбу против немецкого национального и экономического господства. В латвийской историографии движение младолатышей определяется как «первый этап национального пробуждения»⁶.

А. Кронвалд сформулировал и разрабатывал идеи по развитию латышского самосознания и латышского языка. В 1872 г. в работе «Nationale Bestrebungen» («Национальные устремления») он высказался против общепринятой идеи, что образованные латыши должны были принимать немецкий образ жизни, говорить и писать на немецком языке. Кронвалд утверждал, что латышский язык должен иметь равный статус с немецким. Он доказывал, что отсутствие определенных современных терминов в языке не является непреодолимым препятствием в его развитии, а германизмы должны быть заменены в латышском языке на русизмы, как

⁵ Плаканс А. Краткая история стран Балтии. М., 2016, с. 239.

⁶ Valodis A. Latvijās un Latviešu tautas vēsture. Rīga, 1991, l. 117.

средство нейтрализации немецкого доминирования. Мягкая, академическая «русификация» являлась контрастом и противовесом насильственной германизации. Кронвалд ввел в латышский и литовский языки десятки новых терминов. Многие из этих новообразованных слов прижились и органично вошли в обиход. Ему принадлежит термин *Satversme* — современное латышское название Конституции или Основного закона страны.

В 1857 г. в Риге выходит газета «*Mājas Viesis*» («Гость в доме»), в которой печатались статьи Ю. Алунана, К. Барона и К. Валдемара, в том числе и его знаменитый «Меморандум о необходимости радикальных реформ в Балтии для улучшения положения латышей и эстов и обеспечения процветания этих народов». Все эти материалы воспринимались немецкими пасторами и чиновниками как антигерманские, и редакция, не желая обострять отношения с местной властью, в 1862 г. перестала печатать статьи младолатышей. Центрами младолатышского движения стали университетский Дерпт (Тарту) и столица империи Санкт-Петербург, где в июле 1862 г. вышел первый номер «*Peterburgas Avizes*» («Петербургская газета»), призывавшая латышей к поиску путей улучшения своего экономического положения. Особое внимание при этом обращалось на необходимость получения образования. Своими публикациями газета, имеющая свыше 4 тыс. подписчиков, значительная часть из которых проживала в сельской местности (поэтому реальное число читателей могло быть больше), способствовала росту национального самосознания народа. Если для многих латышей газета представлялась чем-то вроде нового Евангелия, то у остзейцев она вызывала обратную реакцию, побуждавшую их к активным действиям, направленным против данного издания. Несмотря на чинимые препятствия, газете удалось продержаться более трех лет. В 1865 г. газету, ставшую глашатаем национальных латышских идей, остзейскому дворянству удалось закрыть. Латышские историки отмечают, что задачу по развитию национального самосознания латышей «Петербургская газета» выполнила⁷.

Вторым по значимости культурным центром младолатышей стал город Вильно (Вильнюс), в котором в 1965 г. был издан сборник латышских народных песен, собранных Янисом Спрогисом. Следует особенно подчеркнуть значительный вклад русской общественности в становление латышской нации. Помимо практической помощи младолатышам была оказана информационная поддержка. В московских газетах в большом количестве стали появляться статьи о крестьянах Прибалтийских губерний, их экономическом положении, нуждах народных школ и т.п. В результате этого в российском обществе формировалось представление о латышах, как едином народе, пытающемся вырваться из-под остзейского прессы. Причем именно тогда в русском языке вместо «лифляндцев» и «курляндцев» впервые появился этноним «латыши»⁸. Младолатышей активно поддерживали видные представители русской интеллигенции. В их защиту выступал М. Н. Катков, редактор крупнейшей в России газеты «Московские ведомости». Он написал ряд статей, направленных против онемечивания латышей, требующих надления латышских крестьян землей. Катков добился облегчения участи К. Биезбардиса, взятого за его политическую деятельность под особый надзор полиции. В поддержку младолатышей выступали А. И. Герцен, М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков, В. И. Ламанский, Н. А. Попов, Н. А. Манасеин и др. Оставшегося без работы К. Валдемара принял в свою газету Катков. В том же 1865 г. «Московские ведомости» опубликовали девять

⁷ Thaden E. Russian Western Borderlands. 1710—1870. Princeton, 1984, p. 118.

⁸ Назарова Е. Л. Русский язык как инструмент русификации Остзейского края в политике властей и представлениях общественности Российской империи XIX в. Вильнюс, 2005, с. 268.

статей К. Валдемара в защиту латышей. В 1868 г. при содействии русской интеллигенции было создано Рижское латышское общество, ставшее новым центром младолатышского движения. Оно активно создавало национальные просветительские общества, организовало первый общелатвийский праздник песни, проводило конференции латышских учителей и многие другие культурные мероприятия. Русский язык, вытесняя немецкий из общественной жизни края, выступал в роли мощного политического оружия. Не случайно остзейцы так яростно противодействовали любым попыткам улучшить преподавание русского языка в местных школах. Они «беспокоились» за латышей, чтобы перемены не нанесли ущерба «чистоте их немецкого сознания»⁹.

В свою очередь, младолатыши искали и находили сочувствие среди русской общественности, и, прежде всего, со славянофильски настроенной общественностью Петербурга и Москвы. И тех и этих сближала идеология поиска национальных истоков, а также критика чрезмерного немецкого влияния в Остзейском крае. Одним из основных защитников коренных народов Прибалтики был Ю. Ф. Самарин. Обнаружив случаи вопиющего произвола и самоуправства со стороны остзейцев, он написал памфлет «Письма из Риги», вызвавший общественный скандал. В результате Самарин был заточен на 10 суток в Шлиссельбургскую крепость. В своих письмах он исходил из того, что в XIII в. немцы «отняли» у русских прибалтийский край, а католицизм похитил его у православия.

Русская общественность оказывала помощь младолатышам в их просветительской деятельности, в том числе и К. Валдемару в организации латышских вечеров в Москве. В них активное участие принимал студент юриспруденции Янис Чаксте, который через 40 лет станет первым президентом Латвийской Республики. Характерной чертой младолатышей в то время являлась их страстная проповедь необходимости изучения русского языка. К. Валдемар называл сближение «латышского племени с великим русским отечеством истинно народным делом» латышей. За русский язык как средство сближения латышского и русского народов агитировал ближайший соратник К. Валдемара, педагог, фольклорист и писатель Фрицис Бривземниекс (Трейланд), призывая своих соотечественников «стремиться к тому, чтобы русский и латышский народы, по возможности, сблизить в духовном отношении»¹⁰. Ф. Бривземниекс организовал в Москве «Латышские чтения», которые переросли в академическое объединение «Austrums» («Восточный») с одноименным литературным и научно-популярным журналом, первый номер которого вышел в феврале 1885 г.

Чтобы обеспечить необходимое знание русского языка на высших уровнях администрации Остзейского края требовалось коренное изменение системы образования. В 1887 г. деревенские начальные школы в Остзейском крае были выведены из-под контроля помещиков и церкви и переданы Министерству народного просвещения. Преподавание стало проводиться на русском языке. В ведении немецких пасторов оставались только религиозные занятия. Еще большее значение имела судебная реформа 1889 г., перестроившая остзейскую судебную систему по российскому образцу. Судьи стали назначаться министром юстиции, что помешало остзейским немцам оказывать влияние на выборы судей, предусмотренные рос-

⁹ Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008, с. 310.

¹⁰ Сегодня, когда языковой вопрос стараниями национал-радикалов стал одним из самых болезненных вопросов современной Латвии, трудно представить, что полтора столетия назад подлинная элита народа — лучшие представители латышской интеллигенции выступали горячими сторонниками и защитниками русского языка.

сийской судебной реформой 1864 г. Местное судопроизводство в окружных и приходских судах, осуществляемое выбранными крестьянами, контролировалось председателем Высшего крестьянского суда, от которого, наряду со знанием русского, требовалось и знание латышского языка.

Таким образом, в конце XIX в. латышское национальное движение получило новые возможности для развития, а феодальные привилегии остзейских дворян воспринимались российским обществом как исторический анахронизм.

В развитии национальной латышской культуры в XIX в. большую роль сыграла этнически гомогенная деревня — здесь был источник фольклора, прежде всего народных песен, и его сохранения, поскольку в городе доминировали немцы¹¹. Этому способствовал подготовленный по инициативе М. М. Сперанского правительственный указ 1806 г. о крестьянских школах в остзейских провинциях, после которого в Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерниях было создано более 40 таких школ.

Наиболее активно латышское национальное движение развивалось в западной части, где политическая и экономическая монополия находилась в руках немецких баронов и лютеранских пасторов — Видземе, Курземе и Земгале. В этой части быстро развивалась промышленность, активно формировалась латышская буржуазия и интеллигенция. Восточная часть — Латгалия, которая тогда не входила в Остзейский край, а была частью Витебской губернии, существенно отличалась и экономически — значительно менее развитой промышленностью, и культурно-исторически. Латгалия долго была в составе Речи Посполитой, немецкое влияние здесь не ощущалось, господствовал католицизм, а крепостное право было отменено только в 1863 г., почти на полвека позже, чем в Лифляндии и Курляндии. Латгалия была присоединена к России на 60 лет позже, чем Лифляндия и Курляндия, в 1772 г. после первого раздела Польши. Латгальский язык отличается от литературного латышского языка, население Латгалии помимо латгальского широко использует русский, польский и белорусский языки.

Общественные процессы в Латгалии, в том числе и национальное движение, отставали от других латышских территорий, что было связано с географическими — Латгалия не имеет выхода к морю, и конфессиональными различиями. Трудовая этика протестантизма эффективнее католической, что дает лютеранским странам преимущество в экономическом развитии¹².

Одним из важных показателей формирования латышской нации во второй половине века является количество публикаций на латышском языке. Если за период 1867—1885 гг. их было 2,3 тыс., то за период 1886—1900 гг. это число выросло до 35 тыс. В 1888 г. Андрейс Пумпур опубликовал латышскую эпическую поэму «Лачплесис» («Разрывающий медведей»), в которой утверждалось моральное превосходство латышей над их угнетателями и прославлялось латышское прошлое.

Апофеозом латышского национального пробуждения стал в 1873 г. общелатышский праздник песни, в котором участвовало свыше одной тысячи певцов из разных уголков Лифляндии и Курляндии. В программу этого праздника было включено уже немало и латышских песен. Особый успех вызвала песня-молитва, музыка и слова которой были написаны Карлисом Бауманисом — «Dievs, svutim Baltiju» («Бог благословит Балтию»). «Балтия» была вынужденным эвфемизмом, так как ввиду цензурных соображений в то время нельзя было употреблять слово «Лат-

¹¹ *Симомян Р. Х.* Россия и страны Балтии. М., 2005, с. 41.

¹² *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990.

вия», так как губернии имели официальные названия — Лифляндия и Курляндия. В 1918 г. эта песня стала гимном Латвии.

Топоним «Латвия», появившийся в середине XIX в., происходит от названия древнего индоевропейского племени балтов — латгалов, которые составили этническое ядро латышского народа. Средневековое название немцами латышей — «Lett» и земли «Леттия» (Lettia, Letthia). Немцы так называли территорию, где жили латгалы. По-немецки и по-шведски Латвия и сегодня называется Lettland, по-французски — Lettonie, по-испански — Letonia, но по-литовски — Latvija. Это подтверждает вывод о том, что название «Латвия» пришло в латышский язык из литовского, в котором оно образовалось от этнонима латышей — «латвьяй» (лит. latviai).

Праздники песен проводились в 1880, 1888 и 1895 гг. — на последнем участников было уже около 4 тыс., а аудитория составляла 25 тыс. человек. Царское правительство (как и много лет спустя советское правительство) давало разрешение на проведение такого рода праздников как «культурных мероприятий», однако для латышей они имели и политическое значение: это были формы этнической солидарности. Можно напомнить, что демократические процессы в Прибалтике в период горбачевской перестройки вошли в историю как «поющие революции».

В конце XIX в. латыши активно участвуют в общероссийских политических процессах. Здесь интересы рабочих Лифляндии и Курляндии полностью совпадают с интересами рабочих всей Российской империи, что подтверждает тенденцию перехода национальных протестов в социальные, характерную для периода общественно-политических кризисов¹³. В 1891 г. в Лиепаи впервые отмечали 1 Мая, нарастало стачечное движение. Самым крупным выступлением рабочих в тот период явился «Рижский бунт» в мае 1899 г., когда на улицы Риги вышло более 20 тыс. рабочих. Демократические преобразования в России становились общими требованиями рабочего класса и интеллигенции — и русских, и латышей.

Экономический бум, начавшийся в последней четверти XIX в. в России особенно ярко проявлялся в Прибалтике. Рига — второй морской порт в России после Санкт-Петербурга и третий промышленный центр после Санкт-Петербурга и Москвы¹⁴. Начали работать Русско-Балтийский вагонный завод, вагоностроительный завод «Феникс», завод резиновых изделий «Проводник», выпускаются первые в России электромоторы, автомобили («Руссо-Балт»), велосипеды. Ведущими отраслями становятся машиностроение и металлообработка, электротехника, химия. Развернувшаяся сеть железных дорог, в том числе Рыбинск — Вентспилс, расширила границы доступного мира, который ранее для многих латышей не выходил за пределы имения или волости.

Разорившиеся крестьяне и многие хозяева отправлялись в города и пополняли ряды рабочих, в среду которых проникали социал-демократические идеи. В культурной сфере начинается становление латышской литературы, театра, живописи и музыки. Меняется хозяйственная и культурная жизнь Лифляндии и Курляндии, меняется и отношение россиян к этим губерниям. Если в начале XIX в. российская публицистика акцентировала внимание на тяжелом положении латышского крестьянства, которое составляло основную массу латышей, то в конце XIX в. содержание кардинально изменилось. Публицист В. Чехихин писал о Лифляндии и

---

¹³ Симонян Р. Х. От национального самосознания к гражданскому действию. — Массовое сознание и массовые действия. М., 1994, с. 36—37.

¹⁴ Первый политехнический университет в Российской империи был открыт в Риге в 1862 г. До этого инженерное образование в Российской империи было либо военным, либо узкоспециализированным.

Курляндии в начале века: «Здесь есть чему поучиться»¹⁵. Латышский историк Арвед Швабе отмечал, что в 1860—1913 гг. рост промышленной продукции в Российской империи был бóльшим, чем в любом из государств Запада, а в Латвии этот рост нередко был бóльшим, чем в целом по Российской империи. Так, если в 1890—1900 гг. численность рабочих в России выросла на 70 %, то в Лифляндии и Курляндии в 3,2 раза¹⁶.

Темпы урбанизации в Остзейских губерниях также опережали общероссийские. Так, в Риге в 1867 г. проживало 102 400 чел., в 1897 г. — 269 300 чел., в 1913 г. — 507 600 чел. При этом доля латышей возросла с 23,2 % в 1867 г. до 41,5 % в 1897 г., оставаясь на том же уровне (41,3 %) в 1913 г. Переезд латышей в города способствовал их активности в выборах самоуправления. Участие в самоуправлении для состоятельных латышей было чуть ли не единственной возможностью участия в общественно-политической жизни. Должность в городской думе предоставляла также возможность занять хорошо оплачиваемое место в городских учреждениях самоуправления, получить выгодный заказ, да и вообще получить благоприятные условия для коммерческой деятельности. Но самым существенным для национального самосознания было то, что успех на выборах в городскую думу стал вопросом национального престижа.

В конце 1880-х годов возникает новое общественное движение, близкое к марксистской идеологии, оказавшее огромное влияние на все сферы духовной жизни латышей. «Новое течение» («Jauna kārtība»), которое возглавили Ян Райнис, Пётр Стучка, Ян Янсон-Браун и Микелис Валтерс, в латышской историографии считается вторым этапом роста самосознания латышей. Новотеченцы своей главной задачей считали распространение социалистических идей, сделав ставку на рабочее движение. С их борьбой за гражданские свободы в Лифляндии и Курляндии началась демократическая традиция с акцентом на социальную сторону явлений. Этнические проблемы отошли на второй план, так как социализм должен был решить все общественные проблемы. «Национальный вопрос новотеченцев не интересовал, — подчеркивают И. Буткус и А. Зунда — и уж, конечно, даже речи не могло быть о каких-либо планах латышской автономии»¹⁷. Это обстоятельство отмечают и другие латышские историки, в частности, А. Дризул, К. Ландер¹⁸. В конце 1890-х годов нелегальные рабочие кружки латышских социал-демократов были разогнаны полицией, а их участники были арестованы или отправлены в ссылку. Но это лишь добавило популярности социал-демократам. XIX в. завершился мощными рабочими выступлениями в Риге («Рижский бунт» 1899 г.).

К началу XX в. в латышском обществе сформировались либеральное, консервативное и наиболее массовое социал-демократическое течения. Латышские социал-демократы требовали проведения демократических реформ, узаконения латышского языка, отмены привилегий балтийских немцев. Экономический расцвет городского хозяйства способствовал социальной активности латышей. Хотя на территории России были запрещены политические партии, латышские социал-демократы предпринимают шаги к созданию своей партии. В 1902 г. была создана Прибалтийская латышская социал-демократическая организация, важнейшей заслугой которой явилось издание нелегальной газеты «Циня» («Борьба»).

¹⁵ Чешихин В. Е. Среди латышей. М., 1910, с. 5.

¹⁶ Švabe A. Latvijas vēsture 1800—1914. Uppsala, 1958, l. 67.

¹⁷ Бутулис И., Зунда А. История Латвии. Рига, 2015, с. 48.

¹⁸ Стремление к независимости возникает и обретает реальный смысл тогда, когда многонациональное государство погружается в глубокий системный кризис, что подтвердили события распада СССР в 1991 г.

В 1905—1907 гг. балтийские губернии России стали одним из центров революционных выступлений. Латыши включаются в общероссийское демократическое движение, причем основные события происходят сначала в сельской местности. Наиболее острый политический вопрос — аграрный — царское самодержавие не смогло решить. Латышским крестьянам хронически не хватало земли — почти половина пахотных земель была в руках балтийских немцев. Немецкие пасторы не имели тесного и доверительного контакта со своей латышской паствой, в то время как латышская социал-демократия, развернувшая свою агитацию против немецких помещиков, создала себе в деревне мощную опору. Летом 1905 г. выступления крестьян в Лифляндии и Курляндии приобрели радикальный характер: горели помещичьи усадьбы, было полностью или частично разрушено более 400 усадеб и около 100 рыцарских дворов, 80 немцев были убиты¹⁹.

В июне 1904 г. в Риге состоялся Первый съезд латышских социал-демократов, на котором была создана Латвийская социал-демократическая рабочая партия (LSDRP), среди основателей которой были П. Стучка и Я. Янсон-Браун. Таким образом, накануне революции 1905—1907 гг. социал-демократическое движение в Латвии получило свое организованное оформление.

Кризис самодержавия получил ускоренное развитие после поражения в российско-японской войне, на которую царская власть возлагала надежды как на «маленькую победоносную войну», которая сплотит общество. Всеобщее недовольство вылилось в волну стачек и демонстраций, а в январе 1905 г. с события, вошедшего в историю России как «Кровавое воскресенье», началась революция, охватившая всю страну. После Кровавого воскресенья в Петербурге 9 января 1905 г. в Латвии прошли забастовки солидарности, сопровождавшиеся жертвами. Во время демонстрации рабочих 13 января, вышедших с красными флагами на улицы Риги, при столкновении с полицией погибло 70 человек, около 200 было ранено. В ответ — всеобщая забастовка, бунт матросов в Лиепае, в церквах священников стоняют с амвона, а вместо них выступают революционеры²⁰.

В. И. Ленин писал, что Лифляндская губерния в 1905 г. стояла на первом месте по целеустремленности пролетарской стачечной борьбы, подчеркивая, «насколько сознательнее, единодушнее и революционнее выступал латышский пролетариат»²¹. За последующие месяцы в Российской империи наибольшее количество протестных акций произошло в латышских городах и сельской местности. Латышская социал-демократическая рабочая партия, к 1907 г. насчитывавшая свыше 18 тыс. членов, играла ведущую роль в борьбе против самодержавия и гегемонии остзейских немцев в Лифляндии и Курляндии. Конечной целью социал-демократов провозглашалось свержение самодержавия и создание в России федеративной демократической России с широким представительством от национальных окраин в законодательном органе государства. Латыши надеялись получить национальную автономию по аналогии с Финляндией.

Революционные события 1905—1907 гг. имели ряд важнейших последствий для населения Прибалтики. С одной стороны, в остзейских провинциях было введено военное положение, карательные отряды жестоко расправлялись с участниками протестов: несколько десятков латышей были казнены, тысячи были подвергнуты телесным наказаниям, посажены в тюрьмы, сосланы в Сибирь. Многим удалось бежать в Европу или Америку. Остзейские губернии оставались на военном поло-

¹⁹ *Pistohlkors G. von. Die Ostseeprovinzen unter russischer Herrschaft (1710—1914). Berlin, 1994, S. 419—420.*

²⁰ *Курлович Г., Томашун А. История Латвии. Рига, 2000, с. 168.*

²¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 306.*

жении до конца 1908 г. Немцы Лифляндии и Курляндии, сохраняя традиционную верность династии Романовых, активно участвовали в карательных акциях и существенно усилили свои позиции.

С другой стороны, раскол между остзейцами и латышами стал более острым. Надежды относительно компромиссов при проведении реформ среди прогрессивных остзейцев и умеренных латышей не оправдались, что ещё больше укрепило в латышах необходимость решительных действий. Но, самое важное, в империи начались демократические преобразования: разрешение политических партий, выборы парламента, отмена цензуры. К этому следует добавить и развитие кооперативного движения, возникшего в связи с аграрными реформами П. А. Столыпина (1906—1913 гг.). Потребительская кооперация особенно широко охватила Остзейский край. Появление крестьян — собственников (фермеров) было не только фактом экономического, но и политического развития — формирование общественных объединений крестьян.

Революция 1905—1907 гг. внесла раскол и в немецкое население Остзейского края. Наряду с теми, кто подчеркивал свою лояльность российскому императору, появилось значительное количество тех, которые обратили свои надежды на Германию. Мечты о Германии, которая будет расширяться на восток, идя по старому пути немецкой колонизации балтийского побережья вплоть до Нарвы, вели к радикальному разрыву с традицией служения России и одновременно — к полному отвержению латышских притязаний. Но это было возможным только при условии вступления Германии в борьбу за балтийские земли. То, что это произойдет уже через несколько лет, в то время никто из балтийских немцев не предполагал. В послереволюционный период в немецком обществе усилилась политическая индифферентность, тенденция ухода в частную жизнь, немецкие союзы стали терять своих членов²².

У латышей расширялась противоположная тенденция — происходил активный процесс политизации населения. В течение 1905—1907 гг. на латышском языке возникло более 100 периодических изданий, из них — 19 ежедневных газет и 44 еженедельника. В сельской местности крестьяне создали около 850 организаций с 60 тыс. членов, три сельхозцентра, представлявших кооперативы и координировавших их деятельность. Рижское центральное сельскохозяйственное общество было образцовым для кооперативного движения в Российской империи. Помимо экономической деятельности и распространения агротехнических знаний, кооперативы проводили разъяснительную общественно-политическую работу, поднимали уровень национального самосознания крестьян.

В Лифляндии и Курляндии 20 тыс. помещикам, среди которых преобладали балтийские немцы, принадлежало 1658 крупных поместий, которые оставались центром хозяйственной и культурной жизни на селе. После революции 1905—1907 гг. в Остзейском крае усилился контраст между чувством неуверенности потомственных немецких дворян, продолжавших управлять Лифляндией и Курляндией, и новым самосознанием латышей, составлявших большинство. При этом латышский политический дискурс накануне Первой мировой войны характеризовался крайним плюрализмом: социальные и этнические проблемы были так переплетены, что ни у кого не было однозначного ответа на вопрос, надо ли стремиться к национальному освобождению через социальные цели или к социальному освобождению через национальные цели²³.

²² *Blanks E.* Latvijas demokratija un vinas vadoni. Riga, 1932, l. 57.

²³ *Брюггеманн К.* От сословного общества к национальной независимости (1820—1920). — Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002, с. 150—151.

Латышская общественность надеялась, что с помощью Государственной думы будет получена автономия, проведены земельная и другие реформы. В апреле 1906 г. открылась Государственная дума. Но идеологические проблемы отразились на парламентской деятельности латышей. Так, депутат Думы Янис Залитис говорил о преданности латышского народа царю, но он отлично знал, что множество его соотечественников преданы отнюдь не царю, а «мировому пролетариату»²⁴.

В Первой Государственной думе (1906 г.) латышские депутаты, в том числе социал-демократ Иван Озол, Янис Чаксте, как эстонские и литовские, присоединились к либеральным и левым партиям России. Они получили первый профессиональный политический опыт и возможность взаимодействовать с депутатами других частей империи. Прошедшие это обучение балтийские общественные деятели составили кадровую основу для будущего управления своими независимыми государствами. Руководители рожденных государств — Латвии, Эстонии и Литвы — это продукт российского производства.

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война явилась мощным катализатором политических перемен в Европе. Региональный конфликт в Австро-Венгрии быстро перерос в масштабную войну, в которой участвовали почти все европейские страны. Германия объявила войну России 1 августа 1914 г. Война с Германией воспринималась населением Остзейского края как борьба с историческим врагом. Латышские историки отмечают, что «война разбудила латышей от национально-политического оцепенения. Участие России и других европейских держав в войне с Германией словно вселило в латышский народ удивительное и невероятное чувство, дав понять, что его давний враг — враг и многих европейских народов»²⁵. Латышские общественные деятели как патриоты своей страны выступали с антигерманскими речами. 26 июля 1914 г. депутат Янис Голдманис заявил с трибуны IV Государственной думы: «Нет ни единого человека, который не сознавал бы, что все, чего мы достигли, достигнуто исключительно под эгидой русского орла, и что все, что мы, латыши, еще сумеем достигнуть, сможет быть осуществлено только тогда, если прибалтийские провинции и впредь останутся неотъемлемой частью России»²⁶. Это было общим мнением. В период между революциями 1905—1907 и 1917 гг. выражение единства с русским народом в борьбе против Германии было характерным для всей латышской печати.

Российская империя произвела мобилизацию. Около 140 тыс. латышей оказались на военной службе. «Почти все они вступили в армию, поскольку считали это своим долгом даже несмотря на то, что испытывали во многом противоречивые чувства. Для латышей, как и эстонцев это являлось борьбой против общих врагов — Германской империи и Австро-Венгрии»²⁷.

В Прибалтике резко усилились антигерманские настроения. Причем сами немцы давали повод для роста недоверия. В частности они радовались германским победам, а русские победы воспринимали болезненно. В Прибалтике находилось большое число германских подданных, занимавших административные должности, что возбуждало у местных жителей подозрение в существовании шпионажа²⁸.

Хотя поначалу российская армия одержала несколько побед, но уже к лету 1915 г. германские войска заняли территорию когда-то существовавшей Речи Посполитой и Курляндию. Таким образом, с 1915 до 1918 г. Прибалтика оказалась

²⁴ Plakans A. The Latvians. A Short History. Stanford, 1995, p. 106.

²⁵ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фельдманис И. История Латвии. XX век. Рига, 2005, с. 70.

²⁶ Мишке В. Этого нельзя забывать. Рига, 1968, с. 22.

²⁷ Плаканс А. Указ. соч., с. 293.

²⁸ Воробьева Л. М. История Латвии от Российской империи к СССР. М., 2011, с. 87.

разделенной между Россией и Германией. В условиях немецкого наступления российское правительство эвакуировало промышленные предприятия и их персонал в российские губернии, далекие от линии фронта. В 1915 г. из Риги было вывезено 30 тыс. вагонов с оборудованием 352 промышленных предприятий и эвакуировано около 90 тыс. рабочих²⁹. Рижский технический университет был эвакуирован в Москву. Треть населения — более 800 тыс. — большей частью родом из Курляндии, была вынуждена покинуть свои дома. Осенью 1915 г. в Петрограде был создан Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам, организовавший 260 отделений помощи латышским беженцам по всей России. «В то время это была единственная руководящая организация всего латышского народа»³⁰.

Когда враг подошел к предместьям Риги, военное руководство России стало создавать национальные латышские воинские формирования, в том числе полки латышских стрелков, что до этого старательно избегало. В российском руководстве преобладало мнение, что воинская доблесть латышей в борьбе с кайзеровской Германией вызывается не столько преданностью к России, сколько ненавистью к немцам. Так или иначе, но латыши, вступившие в национальные подразделения — в общей сложности 42 тыс. чел.³¹, — проявили в боях высокое мужество. Всего было создано восемь полков, объединенных в две бригады, и, кроме того, девятый — резервный. Большинство стрелков составляли рабочие, безземельные или малоземельные крестьяне.

К 1916 г. командование стало использовать латышские части и за пределами Прибалтики. Особенность этих подразделений заключалась в том, что офицеры-латыши общались с подчиненными по-русски, но повседневным языком солдат оставался латышский, хотя абсолютное большинство знало русский. Отношения между офицерами и солдатами не предусматривали жесткого обращения с нижними чинами, что было нередко в русской армии. Латышские стрелки сражались плечом к плечу со своими русскими товарищами на Даугавском фронте с 1915 до конца 1916 г. Всего за Первую мировую войну латыши потеряли 33 тыс. из 182 тыс. состава. Командующий Северо-Западным фронтом генерал М. В. Алексеев в своих донесениях в Ставку отмечал храбрость латышских полков, а германский фельдмаршал Пауль фон Гинденбург назвал латышские полки — «блестящими звёздами» Двинского фронта³².

Катастрофические поражения 1916 г. российских войск вызвали гневную реакцию общественности на некомпетентность царского правительства. Самодержавие подверглось критике не только внутри страны, но и на фронте. Зимой 1916/1917 г. в армии усилилась большевистская агитация. Не избежали ее и латышские стрелки: латышские социал-демократы создавали в войсках партийные ячейки и подогревали революционное настроение солдат. К началу 1917 г. значительное количество латышских бойцов были убеждены, что они должны сражаться не только против немцев, но и против самодержавия. Антимонархические настроения в армии, как и во всем российском обществе, широко распространялись, но все же крушение самодержавия и отречение от престола Николая II 2 марта 1917 г. произошло неожиданно.

После Февральской революции 1917 г. стало реальностью объединение земель, заселенных латышами в единое административно-территориальное образование.

²⁹ *Bleiere D., Butulis I., Felmanis I. The History of Latvia. The Twentieth Century. Riga, 2006, p. 53.*

³⁰ *Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Основные вопросы истории Латвии. Рига, 2002, с. 54.*

³¹ *Казекамп А. История Балтийских государств. Тарту, 2014, с. 152.*

³² *Бильман А. Новая Латвия. Рига, 1926, с. 31.*

Латышские депутаты Государственной думы Я. Голдманис и П. Залитис в обращении к Временному правительству высказались за автономное образование латышей в составе России. «Этого требования, — писали они, — мы придерживались при старом строе, и оно остается нашей дальнейшей задачей. Пусть здравствует свободная Латвия в великой России»³³.

Временному правительству достался в наследство чрезвычайно политизированный Остзейский край, где популярные у населения левые партии и латышские стрелки «стремились создать будущее с лучшими социальными, политическими и культурными условиями»³⁴.

Латыши, литовцы и эстонцы отреагировали на это обращением к только что созданному Временному правительству с возобновлением своих требований 1905 г., которые на этот раз были удовлетворены. 30 марта 1917 г., спустя 200 лет, были ликвидированы архаичные органы власти остзейского дворянства, а северная часть Лифляндии, где проживали эстонцы, была объединена с Эстляндией.

12 марта 1917 г. в Петрограде в помещении Латгальского общества помощи жертвам войны обсуждалась судьба Латгалии: 43 участника собрания поддержали объединение с Лифляндией и Курляндией, 23 участника выступили за автономию Латгалии. 26—27 апреля 1917 г. в Резекне происходил первый съезд латышей Латгалии, который постановил, что латгальские уезды отделяются от Витебской губернии и объединяются с Лифляндской (Видземской) губернией³⁵.

После Февральской революции в Валке 12 мая 1917 г. была создана новая аграрная партия — Латышский крестьянский союз (Latviešu Zemnieku savienība — LZS), лидерами которого были Карлис Ульманис (председатель), Зигфрид Мейеровиц, Хуго Целминьш, Адолф Кливе. Крестьянский союз уже изначально декларировал идею создания независимого латвийского государства. Вскоре к ним присоединилась и меньшевистская часть социал-демократов. К августу 1917 г. в рядах партии находилось 20 тыс. чел., что было большим успехом, так как наиболее крупные и стратегически важные предприятия были эвакуированы во внутренние районы России, поэтому организованного рабочего класса в Риге и других городах Лифляндии и Курляндии было немного.

Сентябрьские выборы в Лифляндский земский совет выиграли латышские большевики, получившие 63 % голосов. В Валмиере был избран Видземский временный земский совет, в Резекне — Латгальский временный земский совет. Временное правительство признало эти органы самоуправления и назначило комиссаром Лифляндии и Курляндии городского голову Риги Андрейса Красткалнса, комиссаром Видземе Андриса Приедакална, а его заместителем — Карлиса Ульманиса. К августу 1917 г. партия насчитывала уже 20 тыс. человек.

Одновременно с властью временных государственных органов реальная власть находилась у революционных советов рабочих, солдатских и матросских депутатов, возникших во всех крупных городах империи, в том числе в Риге и Лиепае. Так как советы представляли главным образом промышленных рабочих и солдат, в состав советов Латвии входило очень много русских. После захвата власти большевиками в Петрограде 25 октября, свободные от немецкой оккупации латышские земли попали под власть местных большевиков. Крестьяне и рабочие под влиянием социал-демократов во многих местах сами принимали решения и не подчинялись правительству. Смуте способствовали большевики, составлявшие значительную часть

³³ Lidums, 12.III.1917.

³⁴ Плакманс А. Указ. соч., с. 299.

³⁵ Урбанович Я. Как создавали Латвию. Рига, 2017, с. 13.

социал-демократии. Больше всего неразбериха затронула армию. Большевистская часть латышских социал-демократов проводила среди стрелков активную агитацию против продолжения войны, призывала брататься с немцами. Эти призывы имели успех — большинство стрелков стало поддерживать большевиков. Съезд латышских стрелковых полков в марте 1917 г. избрал свой Совет и Исполком, которые пользовались бóльшим доверием, чем офицерский состав. Это окончательно подорвало дисциплину в армии. Немцы продолжали наступать и 21 августа (3 сентября) заняли Ригу.

Политические процессы тогда в России развивались в условиях военных действий. В еще не оккупированной Валке образовался Латышский временный национальный совет (*Latvijas pagaidu nacionālā padome — LPNP*), который вскоре переехал в Петроград. Создание советов происходило по всей России. Но представителей наиболее радикальных партий, и, прежде всего, большевиков в них было меньшинство. Большевики под руководством В. И. Ленина в июле 1917 г. предприняли первую попытку вооруженного захвата власти в Петрограде. Она оказалась неудачной, и В. И. Ленин вынужден был скрываться в Финляндии. Временное правительство потеряло управление, в стране нарастал хаос. Вторая попытка переворота 25 октября большевикам удалась, и они сформировали новое правительство. Латышские стрелки не участвовали в перевороте, но были на стороне большевиков и в декабре захватили власть в неоккупированных землях латышей, в том числе и в Латгалии.

В феврале 1918 г. немецкая армия перешла в наступление, и латышские стрелки направились в Россию, где началась гражданская война между сторонниками большевиков и их противниками. В это время в России находилось более 450 тыс. латышских беженцев. После Октябрьской революции значительная часть латышских партий, наблюдая за деятельностью большевиков, стала ориентироваться на независимость Латвии. Латышский комитет по оказанию помощи беженцам постепенно преобразовался в руководящий латышский орган и отправил в Стокгольм, Париж и Лондон своих представителей — Я. Чаксте и З. Мейеровица.

3 марта 1918 г. Россия подписала сепаратный мир с Германией, отдав ей территорию 790 тыс. кв. км с 56 млн населения (треть населения страны) и 3 млрд золотых руб. в виде контрибуций³⁶. Если можно было понять союзников России — англичан и французов, которые расценили это как предательство, ибо для обессиленной Германии война на два фронта была постоянным кошмаром, который, наконец, закончился, и немцам удалось оттянуть свое поражение на несколько месяцев, то еще легче можно понять чувства латышей и эстонцев, которые оказались возвращенными под власть немцев.

Германия поспешила воспользоваться Брестским миром. 6 марта Курляндский ландтаг, состоявший из остзейских немцев, объявил о создании Курляндского герцогства на территории Пруссии и бывшей Курляндской губернии, а 15 марта германский император Вильгельм II подписал акт о признании герцогства самостоятельным государством. 12 апреля в Риге Совет балтийских земель (объединенный ландесрат Лифляндии, Эстляндии, города Риги и острова Эзель), также состоящий из остзейских немцев, объявил о создании Соединенного Балтийского герцогства, которое было династически связано с прусским королевским домом, под протекторатом Германии. Для укрепления своих позиций Германия рассчиты-

---

³⁶ Существует мнение, что началом Гражданской войны является заключение Брестского мира, так как национальное самосознание русских, и, прежде всего, офицерства оказалось глубоко униженным событием, которое даже сам В. И. Ленин считал «похабным».

вала на иммиграцию немецких колонистов. 2 сентября 1918 г. Вильгельм II признал независимость Балтийского герцогства.

Однако победа союзников разрушила все эти ностальгические проекты. 17 ноября 1918 г. в оккупированной немцами Риге³⁷ в здании Второго городского театра был созван Латышский временный национальный совет, в который вошли представители всех политических сил, кроме большевиков. Председателем совета был избран Я. Чаксте, создание временного правительства было поручено К. Улманису. На следующий день — 18 ноября Национальный совет торжественно провозгласил Латвию независимым государством. Я. Чаксте и З. Мейеровиц участвовали в работе, созванной странами — победительницами Парижской конференции, завершившейся подписанием договора в Версале 28 июня 1919 г.³⁸

Столетие Латвийской Республики — это не только знаменательная дата для наших соседей — латышей. Это возможность с векового расстояния посмотреть на события прошлого и оценить их в широком контексте современности.

---

³⁷ Страны Антанты разрешили германскому новому правительству оставить немецкие войска в Прибалтике, назначив 14 ноября 1918 г. социал-демократа Августа Виннига генеральным уполномоченным по прибалтийским землям.

³⁸ Представителей Российского правительства там не было. «Это редкий случай в истории дипломатии, — считает академик А. О. Чубарьян, — не проиграв войну, страна оказалась в числе пострадавших и фактически побежденных». — Российская газета, 2.III.2018.